УДК 294.3
DOI 10.30792/2949-5768-2024-9-47-52

Л. Е. Янгутов

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА И ДАОСИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена анализу взаимодействия даосизма и буддизма в их историческом развитии с момента вхождения буддизма в Китай и до формирования синкретизма трех учений, известного в Китае как единство трех учений (*сань цзяо*, 三教). Также рассматриваются условные этапы взаимодействия буддизма и даосизма, их отношения друг другу, взаимовлияние и взаимозаимствования. Показано взаимодействие буддизма и даосизма в рамках их синкретизма, включающего и конфуцианство, а также востребованность такого синкретизма в современных условиях Китая.

Ключевые слова: буддизм, даосизм, конфуцианства, единство, взаимодействие, взаимовлияние, синтез.

L. E. Yangutov

THE RELATIONSHIP BETWEEN BUDDHISM AND TAOISM IN HISTORICAL RETROSPECT AND MODERNITY

The article is devoted to the analysis of interaction between Taoism and Buddhism in their historical development from the moment of Buddhism's entry into China to the formation of syncretism of three teachings, known in China as the unity of three teachings (*san jiao*, 三教). The article examines the conventional stages of interaction between Buddhism and Taoism, their relationship to each other, mutual influence and mutual borrowing. It shows the interaction of Buddhism and Taoism in the framework of their syncretism, including Confucianism, as well as the demand for such syncretism in the modern conditions of China.

Keywords: Buddhism, Taoism, Confucianism, unity, interaction, mutual influence, synthesis.

О взаимоотношениях буддизма с даосизмом в период его распространения в Китае в научной литературе было написано достаточно много. В этих публикациях было выражено единое мнение, что определенное сходство идей этих учений облегчило вхождение буддизма в китайское цивилизационное пространство. И действительно, сам факт использования понятий традиционной китайской философии, преимущественно даосской, в переводе текстов с санскрита на китайский язык говорит о многом. Однако взаимоотношение буддизма с даосизмом не исчерпывалось лишь применением даосской терминологии. Т. П. Григорьева, пытаясь выяснить причину «беспрепятственного вхождения буддизма махаяны в сознание китайцев», пишет:

Янгутов Леонид Евграфович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: yangu-ta@mail.ru.

«Может быть, буддизм накладывался на уже существовавшую в Китае структуру мышления, о которой мы можем судить по древним памятникам» [1973: 96]. Она предложила не искать черты поверхностного сходства буддизма с отдельными элементами древнекитайской философии, а сопоставить буддийский и древнекитайский типы мышления, их способы видения мира [Там же].

Полностью соглашаясь с ее мнением, отметим, что «черты поверхностного сходства» также играли немаловажную роль в облегченном восприятии китайцами нового иноземного учения. Однако, действительно, наиболее существенную значимость имели сходства типов мышления. Говоря о них, в первую очередь необходимо иметь в виду даосский тип мышления, направленный, в отличие от других философских школ, на космологическую проблематику. По словам Е. А. Торчинова, «наиболее важной стороной даосской философии, к тому же напрямую связанной с доктринальным и психотехническим аспектами, является натурфилософский комплекс, включающий в себя собственно онтологию, космогонию и космологию. В силу весьма большой степени заметности архаического субстрата в даосской философии, характер которого неоднократно освещался выше, именно космогония оказывалась стержнем натурфилософии, непосредственно выходя и на комплекс сотериологических положений доктрины» [1993: 87–88]. Направление развития натурфилософии Древнего Китая было определено парадигмой о двух противоположных началах инь (阴) и ян (阳), восходящей к самым древним временам истории Китая – к эпохе Чжоу (ок. 1046–221 гг. до н. э.). Согласно этой парадигме, принципам взаимоотношения противоположных начал инь и ян не была присуща борьба, характерная противоположностям древнегреческой философии, они не вступали в антагонистские отношения, они не боролись, не стремились к уничтожению друг друга, они взаимодействовали. Эта идея красной нитью проходит в развитии натурфилософии добуддийского периода Китая, определив тип мышления китайцев. Он был весьма созвучен буддийскому восприятию мира. В даосской философии он нашел наиболее яркое воплощение в ее главной концепции о «недеянии» (无为, *у вэй*). Неслучайно на самом раннем этапе перевода буддийских текстов в качестве эквивалента буддийскому понятию «нирвана» было выбрано именно понятие «недеяния».

Кроме того, как указывала Т. П. Григорьева, «и буддизм, и китайские учения отрицали идею сотворения, ибо “мир есть процесс”» [1973: 100]. Дао в даосизме понималось, с одной стороны, как генетическое начало, как первоисточник всего сущего, с другой – как сущностное начало, ведущее к «представлениям о Дао как имманентно присущем всем единичным предметам и явлениям мира в каждый момент их существования» [Горохова 1982: 16]. Эта идея была созвучной буддийскому тезису о наличии природы Будды во всем сущем.

Кроме того, сближению даосизма и буддизма способствовала социально-политическая обстановка, сложившаяся в Китае в период вхождения буддизма в эту страну. Вхождению буддизма предшествовало крупномасштабное восстание, организованное даосской сектой Тайпиндао (太平道，Путь Великого равенства), руководимой Чжан Цзяо. Идеологи этого восстания предсказывали появление Лао-цзы, который принесет миру равенство и благоденствие, и смену эры Синего Неба на эру

Желтого Неба. После разгрома восстания «желтых повязо»к и краха империи Хань (202 до н. э. – 220 н. э.) наступил период упадка учений как конфуцианства, бывшего официальной идеологией Ханьской империи, так и даосизма, переживавшего кризис в связи с поражением восстания. В этот период, период падения авторитета даосизма, для его адептов стали весьма заманчивы религиозные принципы и религиозная организация проникающегося в Китай буддизма. Он начал перенимать их, возрождаясь вновь как учение с религиозной направленностью. Даосизм изначально включал в себя религиозные верования, однако только с приходом буддизма, под его влиянием, окончательно принял форму религии [Васильев 1873: 40].

В этот период в идеологической сфере китайского общества наступил духовный вакуум, связанный с указанным выше падением авторитетов конфуцианства и даосизма, сопровождавшийся поисками новых духовных ориентиров, что привело к формированию течения философской мысли Цин Тань (清谈, Чистые беседы)[1]. В недрах этого течения оформилось учение *сюаньсюэ* (玄学，учение о сокровенном). Учение *сюаньсюэ* стало новым этапом во взаимоотношении буддизма и даосизма уже не на уровне понятийных и религиозных заимствований, а на уровне философского взаимозаимствования. Оно оформилось в форме комментариев на классические каноны не только даосизма («Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы»), но и конфуцианства («Чжоу и» и «Лунь юй)». Его формирование явилось реакцией на социально-политическую и философско-мировоззренческую обстановку в Китае после крушения империи Хань и образования на ее месте трех государств. Реакцией учения *сюаньсюэ* на социально-политическую обстановку явился его новый подход к оказавшемуся в глубоком кризисе официальному конфуцианству за счет внесения в него даосской проблематики, а реакцией на философско-мировоззренческую ситуацию стала онтологизация космологических представлений даосизма [Торчинов 1993: 68]. И именно эта онтологическая часть даосской философии стала наиболее привлекательной для буддистов, обнаруживших в ней множество точек соприкосновения с праджняпарамитской концепцией пустоты [Янгутов 2007: 712].

Представители *сюаньсюэ* занимались комментариями к древним канонам даосизма и конфуцианства, придавая им новое прочтение. В их учении происходил постепенный поворот от космологической проблематики к онтологической. Базисным положением онтологии *сюаньсюэ* явилось утверждение, содержащееся в тексте «Дао дэ цзин», согласно которому «тьма вещей Поднебесной рождена из наличия (有，*ю*), а наличие рождено из отсутствия (无，*у*)». Один из главных теоретиков *сюаньсюэ* Ван Би отождествил «отсутствие» (无，*у*) с центральной даосской категорией «Дао», заострив тем самым свое внимание на Дао как субстанциональной основе всего сущего, исключив его из космологического контекста. «Отсутствие» как субстанциональная основа всего сущего было выделено в качестве самостоятельной онтологической категории, рассматриваемой в неразрывном единстве с категорией «наличия», обозначаемой проявленное бытие. Отношение «отсутствия» и «наличия» составило базисный каркас философской рефлексии *сюаньсюэ*. Онтологическая концепция

[1] О сложившейся духовной обстановке этого периода см.: [Орбодоева 2016].

сюаньсюэ явилась именно тем даосским учением, которое и было современным проникающему в Китай буддизму, и именно это учение оказало большое влияние на становление буддизма в Китае (подр. см.: [Янгутов 2007: 71–73]).

Следующий этап взаимоотношения буддизма с даосизмом – это попытки постижения центрального понятия Праджняпарамиты, пустоты, с позиций даосского мировосприятия, а именно с позиций учения *сюаньсюэ*, которое выдвинуло концепцию о соотношения отсутствия (无，*у*) и наличия (有，*ю*). Она была созвучна содержанию центрального понятия праджняпарамитского учения – учения о пустоте, что стало одной из причин толкования понятия пустоты с позиций философии *сюаньсюэ*. Подобные попытки получили яркое отражение в учениях шести школ и семи направлений (六家七宗，*лю цзя ци цзун*).

Семь школ и семь направлений – это:

Первое – *бэнь у цзун* (本无宗，отсутствия корня);

Второе – *бэнь у и цзун* (本无异 宗，различения отсутствия корня);

Третье – *цзи сы цзун* (既色宗, акцентирования на внешних явлениях);

Четвертое – *ши хань цзун* (识含宗, содержания сознания);

Пятое – *хунь хуа цзун* (幻 化宗, иллюзорных превращений);

Шестое – *синь у цзун* (心无宗, отсутствия сознания);

Седьмое – *юань хуй цзун* (缘 会宗, возникновения через причинность). Изначально их было шесть, однако первая разделилась на два: «отсутствия корня» и «различения отсутствия корня» [Чжунго … 1981: 217].

Дальнейший этап развития взаимоотношений даосизма и буддизма – это осознанные поиски как со стороны буддистов, так и со стороны даосов, общих положений двух учений. Эти поиски привели к тому, что в эпоху династии Восточная Цзинь (317–420) чиновник, занимавший высокую должность при дворе, Сунь Чо (孫綽, 320–377), высказался о единстве учений буддизма и даосизма, что стало весьма значительным проявлением в трактовке взаимодействия буддизма и даосизма. Дальнейшее развитие буддизма на территории Китая и даосизма усилило взаимное влияние и взаимное заимствование идей друг у друга. Этот процесс коснулся и взаимоотношений буддизма и конфуцианства. Особенно наглядно заимствование конфуцианством идей буддизма отразилось в философии сунского неоконфуцианства. Взаимное использование идей привело к синтезу буддизма, даосизма и конфуцианства (三教，*сань цзяо*). Этот синтез, ставший неотъемлемой частью китайской духовной традиции, пронизывает самые широкие сферы жизнедеятельности китайского общества – религиозную, философскую, политическую, социальную. В религиозной сфере он проявляется в одинаковом почитании Конфуция, Лао-цзы и Будды как святых и совершения ритуальных действий по отношению к ним. Особенно наглядно это отразилось в заимствовании даосизмом религиозной структуры буддизма, его ритуалов и обетов. В философской сфере это проявляется во взаимном влиянии и заимствовании отдельных положений друг у друга, в их синтезе. В социальной сфере все три учения гармонично использовались в повседневной жизни китайцев: конфуцианские заповеди – в качестве средств социальной регуляции, даосские – в заботе о

здоровье, буддийские – в морально-этическом аспекте. В политической сфере одновременное использование трех учений в идеологическом контексте было весьма эффективно в качестве дополнительного средства управления. При этом каждое учение сохраняло свою нишу.

Таким образом, взаимоотношения между буддизмом и даосизмом, начавшиеся с использования буддизмом понятийного аппарата даосизма и далее продолжившиеся в заимствовании и взаимовлиянии идей друг друга, осознании их единства в попытках постижения буддийского учения с позиций даосского мировосприятия, привели к своему завершению в формировании синкретизма трех учений – буддизма, даосизма и конфуцианства. Синтез трех учений не потерял своей значимости и в современном Китае, в условиях новых тенденций в развитии этих древних учений, обусловивших их модернизацию. Модернизация трех учений произошла в XX в. под влиянием западных ценностей. Заимствование западных идей определило формирование нового конфуцианства, буддийского обновленчества и неодаосизма. Основа данной модернизации – акцент на гуманистические ценности, суть которого состоит в усилении внимания к проблемам человека, важности человеческой жизни. Каждое из трех учений разрабатывало концепции гуманистических ценностей в русле собственных мировоззренческих установок. Сегодня, в условиях, когда правительство Китая взяло курс на построение социалистического гармоничного общества и реализацию идеи «китайской мечты» (中国梦, *Чжунго мэн*), утверждающей приоритет социальных и гуманистических ценностей, новые духовные принципы синкретизма трех учений стали как нельзя более востребованными и созвучными политическому курсу Китая.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)» № 121031000261-9.

Литература

Васильев В. П. Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм / В. П. Васильев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1873. – С. 29–107.

Горохова Г. Э. Универсализм раннего даосизма / Г. Э. Горохова // Дао и даосизм в Китае. – М., 1982. – С. 12–30.

Григорьева Т. П. Махаяна и китайские учения: Попытка сопоставления / Т. П. Григорьева // Изучение китайской литературы в СССР. – М.: Наука, 1973. – С. 86–111.

Орбодоева М. В. Духовная культура Китая в период Вэй и Цзинь / М. В. Орбодоева // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 18–22.

Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания / Е. А. Торчинов. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – 312 с.

Торчинов Е. А. Рационализм в раннесредневековой мысли Китая: философия сюань-сюэ / Е. А. Торчинов // Рационалистические традиции и современность. Китай. – М., 1993. – С. 66–86.

Чжунго фоцзяо чжэсюэ ши (История философии китайского буддизма). Т. 1–2 / ред. Жэнь Цзиюй. – Пекин, 1981. – 284 с.

Янгутов Л. Е. Традиции Праджняпарамиты в Китае / Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 272 с.

References

Vasil'ev V. P. Religii Vostoka. Konfucianstvo, buddizm i daosizm / V. P. Vasil'ev // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1873. – S. 29–107.

Gorohova G. E. Universalizm rannego daosizma / G. E. Gorohova // Dao i daosizm v Kitae. – M., 1982. – S. 12–30.

Grigor'eva T. P. Mahayana i kitajskie ucheniya: Popytka sopostavleniya / T. P. Grigor'eva // Izuchenie kitajskoj literatury v SSSR. – M.: Nauka, 1973. – S. 86–111.

Orbodoeva M. V. Duhovnaya kul'tura Kitaya v period Vej i Czin' / M. V. Orbodoeva // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2016. – № 5. – S. 18–22.

Torchinov E. A. Daosizm. Opyt istoriko-religiovedcheskogo opisaniya / E. A. Torchinov. – SPb.: Andreev i synov'ya, 1993. – 312 s.

Torchinov E. A. Racionalizm v rannesrednevekovoj mysli Kitaya: filosofiya syuan' syue / E. A. Torchinov // Racionalisticheskie tradicii i sovremennost'. Kitaj. – M., 1993. – S. 66–86.

Chzhungo foczyao chzhesyue shi (Istoriya filosofii kitajskogo buddizma). T. 1–2 / red. Zhen' Cziyuj. – Pekin, 1981. – 284 s.

Yangutov L. E. Tradicii Pradzhnyaparamity v Kitae / L. E. Yangutov. – Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2007. – 272 s.